

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. Б. Пастухов

Национальный и государственный
интересы России: игра слов
или игра в слова?

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/2001_1_Pastukhov.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ: ИГРА СЛОВ ИЛИ ИГРА В СЛОВА?

Реплика

В.Б. Пастухов

Бывают слова, звучание которых кажется наполненным глубоким смыслом, но реальное содержание — пусто и ничтожно. К числу таких “звучащих” слов относятся национальная либо государственная идея, а также национальные и государственные интересы. Сама постановка вопроса как бы располагает к масштабному противопоставлению “национального” и “государственного”. При этом совершенно не обязательно отдавать себе полный отчет в том, что именно стоит за соответствующими категориями вообще и насколько они применимы к России, в частности.

Государство и нация — это не два социальных субъекта, а один. Современное государство не существует без нации, нет и современной нации без государства. Современное государство есть лишь организационное оформление бытия нации. Современная нация — социальная общность, в основании которой лежит принадлежность к одному государству. Нация и государство являются парными социальными категориями, относящимися друг к другу как содержание и форма. Есть один социальный субъект — государство-нация или нация-государство, в зависимости от того, какой аспект, внутренний или внешний, мы хотим подчеркнуть. Противопоставлять государственные и национальные интересы в нормальной ситуации можно лишь в тех пределах, в которых содержательные моменты могут быть противоположены формальным. Во всех других отношениях — это игра слов.

Почему же тогда тема национальных и государственных интересов оказывается в России живучей, словно птица-феникс? Дело в том, что государство и нация суть продукты исторического развития: свою предысторию они прожили раздельно, так что государство-нация возникло не сразу. Ему предшествовало традиционное государство и государство-бюрократия. Нации-государству (если сменить акценты) предшествовали этническая и религиозная общности. Исторически государство-нация есть отрицание государства-бюрократии, а нация-государство — отрицание религиозно-этического общества. Противопоставление, бессмысленное в эпоху существования государства-нации (нации-государства), вполне может быть наполнено смыслом в историческую эпоху, когда такое отрицание еще не произошло. Тогда реально существуют два относительно независимых друг от друга субъекта: вечно окостеневающая бюрократия, являющаяся воплощением государства, и постоянно развивающееся религиозно-этническое сообщество. И первое, и второе еще не находятся в магнитном поле национального (внутреннего) рынка, который, в конце концов, заставит их стать единым целым с помощью демократии. При действительно разных интересах этих двух субъектов в той эпохе нет еще ни современного государства, ни современной нации.

Проблема на самом деле решается просто. В нынешней России еще не сложилось современное государство-нация, равно как и не образована его необходимая предпосылка — внутренний рынок. В нашей стране до сих пор интересы разваливающейся бюрократической системы не совпадают с инте-

ресами бурлящего посткоммунистического общества, зато прижилась и пустила глубокие корни демократическая фразеология. Категории “нация” и “государство-нация” применяются к описанию российской реальности как нечто само собой разумеющееся. По сути при помощи этих категорий здесь пока описывать нечего, ведь российская нация находится лишь в процессе своего становления. А зародившееся в России должно быть описано совершенно другими категориями. В таких условиях и появляются “государственные интересы”, противостоящие “национальным”. Потому что и те, и другие интересы применительно к сегодняшней России — это эвфемизмы, обозначающие явления, вовсе не сходные с теми, которые обычно принято обозначать при помощи указанных терминов. Чтобы понять, о чем идет речь, надо постоянно переводить сказанное с русского политического языка на нормальный.

Так *игра слов* превращается в *игру в слова*. Мы говорим “государственное”, подразумеваем — “бюрократическое”, говорим “национальное” — подразумеваем “общественное”. Нам кажется, что бюрократические и государственные, национальные и общественные интересы — это близнецы-братья. И продолжая твердить о своем родном и суетном, нам кажется, что мы говорим о вечном и всеобщем.

Дискуссия о соотношении государственных и национальных интересов современной России обретает смысл, только если мы отдаем себе отчет в том, что на самом деле упоминаем о сохраняющемся противоречии между бюрократическими и общественными интересами. В противном случае все проговоренное выглядит как весьма сложное и увлекательное словопостроение.

Целью этой короткой *реплики* (а жанр моего выступления я обозначил именно так) не может быть подробное исследование российских интересов. Моя задача — лишь наметить различия “государственных” и “национальных” интересов России в том странном смысле, в котором данные понятия сегодня у нас употребляются. Поэтому в отношении структуры данных интересов я ограничусь скупо изложенной гипотезой.

Общий интерес России состоит в том, чтобы вписаться в новое мировое разделение труда в качестве не донора, а спонсора (с учетом того различия, что последний добровольно отдает излишки, а у донора зачастую отбирают необходимое, не спрашивая). Новый миропорядок основан на универсальной интеграции, на поголовной зависимости всех ото всех. Место, которое то или иное сообщество занимает в этом универсальном мире, в первую очередь определяется его способностью производить новейшие технологии. Ныне идет стремительная девальвация стоимости сырьевых ресурсов и рабочей силы, значит, кто не успел вписаться в исторический поворот, неизбежно становится донором.

Социально-экономический и политический порядки современной России не позволяют ей соревноваться со странами, ставшими сегодня основными поставщиками новейших технологий. Интерес России состоит в том, чтобы создать условия, дающие ей возможность сделать научно-технический рывок и вырваться из исторического капкана, в который она попала. Это объективно предопределено и является императивом для всех россиян, хотя осознаваемо разными социальными группами в неодинаковой степени. Вопрос заключается в темпах и способах достижения данной цели. Вот здесь и возникает то, что сейчас принято обозначать как различие “государственных” и “национальных” интересов.

В силу того, что в России государство не связано с обществом в государство-нацию на основе единого внутреннего рынка, бюрократия продолжает занимать у нас специфическое положение — она опосредует российскую общественную жизнь, прежде всего экономическую. Поэтому она по-особенному преломляет общие интересы. Российское общество интересуется в первую очередь темпами изменений, а бюрократию — возможность сохранения контроля за процессом преобразований. Так называемый национальный ин-

терес России состоит в том, чтобы ускорить темп социальных преобразований, позволяющих совершить технологическую модернизацию. Так называемый государственный интерес сводится по преимуществу к тому, чтобы в процессе изменений постоянно сохранять “преемственность курса”, т.е. оставлять для государственной бюрократии возможность держать руку на общественном пульсе.

И здесь действительно есть противоречие. Скорость преобразований зависит от полноты высвобождения индивидуальной и коллективной социальной энергии, а значит — требует минимизации бюрократического контроля. Его сохранение неизбежно заставляет приносить в жертву темпы социальных перемен. Это не новая для России дилемма. Еще в начале века Ленин писал о том, что перед страной открывается “прусский” либо “американский” путь развития капитализма. Первый предполагает мучительное развитие под несусыпным чиновничьим оком, второй — прорыв плотины буржуазной стихии. “Третий путь”, который отстаивал сам вождь пролетариата, оказался тупиковым и вопроса не снял. Поэтому в конце нынешнего века России предстоит делать тот же выбор между “прусским” и “американским” путем или, если угодно, между “государственным” и “национальным” интересом.

Бюрократический вариант развития консервативен по своей природе, поскольку нацелен на удержание контроля над ситуацией. Общественный вариант — революционен, потому что ориентирован только на изменение ситуации. Так называемые наши государственные интересы ставят во главу угла сохранение традиционных атрибутов власти в неприкосновенности. Развитие необходимо, но возможно лишь постольку, поскольку оно не затрагивает принцип суверенитета (и тесно связанные с ним принципы территориальной целостности и единства власти). В то же время интересы, условно обозначаемые как “национальные”, предполагают, что приоритет отдается динамике развития. Все, что может быть изменено ради обеспечения высоких темпов модернизации, должно быть изменено, даже если это ставит под угрозу целостность властных атрибутов. В таком смысле ленинский “брестский мир” в систему национальных интересов может быть вписан, а в “государственные” — никогда. Для “государственников” главный враг — сепаратизм, для “националов” — отсталость.

Различие между “государственными” и “национальными” интересами в сегодняшней России трудноуловимо. Все призывают к одному и тому же, причем почти одними и теми же словами. Никто не оспаривает необходимость изменений, и всем ясен их основной вектор. Действительную направленность таких призывов можно прочувствовать лишь по слабоощутимому политическому “аромату”, который сопровождает многочисленные декларации и который так же неприметен, как легкий запах духов, принесенный летним бризом. И только тщательно “принюхавшись”, удастся заметить, как по-разному на самом деле расставлены приоритеты.

Во всех без исключения случаях мы найдем стремление к социально-экономическим переменам и озабоченность по поводу сохранения территориальной целостности России. Но у одних эта целостность будет поставлена во главу угла: если ради ее сохранения надо будет повернуть общественное развитие вспять, то с “болью в сердце” они предпочтут именно так и поступить, хотя в их намерения это безусловно не входит. Таков “государственный” подход. У других на первом месте находится развитие: если ради сохранения его темпов потребуются пожертвовать территориальной целостностью и частью суверенитета, то они согласятся на подобную жертву, хотя никогда вслух об этой своей готовности не скажут и будут до последнего бороться против раскола страны. Данный подход ближе к “национальным интересам”. Естественно, что защитников “государственных” интересов в России много, а открытых и последовательных сторонников “национальных” — можно пересчитать по пальцам.

Логика защитников “государственных интересов” безупречна, но не диалектична.

В свою очередь, суверенитет — не пирог, а принцип. Поступившись им один раз, ты признаешь возможность повторить это в других ситуациях. Проявив слабость и приняв территориальные потери в одном месте, ты провоцируешь вероятные схожие утраты в иных, причем они могут следовать одна за другой — вплоть до границ Москвы. Отказ от части суверенитета и признание независимости спорной территории отнюдь не означает прекращения агрессии и провокаций со стороны ее населения. Напомню: первая кавказская война была начата царем, помимо прочего, и потому, что тогда еще независимые чеченцы опустошали приграничные российские территории.

“Полная блокада” сепаратистов на их территории — такая же утопия, “идеологический продукт”, как, например, приснопамятная программа “500 дней”. При нынешнем состоянии экономики и армии, при существовании огромных диаспор по всей стране и неизбежной в связи с этим миграцией, при наличии международных обязательств в области прав человека обеспечить полную блокаду отдельно взятого региона невысказано. Единственно возможный из этого логический вывод — война до победного конца против любого сепаратизма является *condicio sine qua non* российской внутренней политики.

Но достоверное в формальной (бюрократической) логике сомнительно в логике диалектической (общественной).

Война и ускоренное социально-экономическое развитие несовместимы. В условиях России война фатально связана с усилением администрирования, сужением рамок индивидуальной инициативы и растратой огромного количества ресурсов. Отказ от развития неизбежно сделает из России в среднесрочной перспективе страну-донора в международном разделении труда. Продолжится ее превращение из субъекта мировой политики в объект. Став “объектом”, страна неминуемо потеряет суверенитет сначала *de facto*, а потом и *de jure*. Таким образом, спасая суверенитет и территориальную целостность от сепаратизма, защитники так наз. государственного интереса практически неотвратимо уступают их в ближайшем будущем внешнему противнику. Причем этот последний бессубъектен, ибо являет собой тенденцию мирового развития, состоящую в том, что суверенитет теряет свою территориальную привязку и становится “подвижным”. Его носителем выступают люди и корпорации, представляющие относительно автономную и в то же время прочно интегрированную в мировую сеть экономическую систему. Эти новые субъекты мировой политики уже идут на смену государствам-нациям, делая легкопроницаемыми любые старые границы. Титанические усилия по спасению традиционного суверенитета оказываются бессмысленными в условиях, когда происходят глобализация мировых проблем, повсеместная универсализация и всеобщая экономическая интеграция.

России, так и не достроившей свое государство-нацию, необходимо понять, что “этот поезд уже ушел” и надо не столько спешить дорешать задачку прошлого и даже позапрошлого столетий, сколько переключаться на реалии века XXI и возводить автономную и суверенную экономическую систему. Иначе сохраненный большим трудом и немалой кровью государственный суверенитет будет просто отдан на откуп транснациональному капиталу.

Отказ от интенсивного развития так же неизбежно ведет к потере суверенитета и территориальной целостности, как и уступки сепаратистам. Просто последствия ошибок в данном случае не столь очевидны, но угроза не становится от этого менее неотвратимой. В долгосрочной перспективе защита “государственных интересов” путем бескомпромиссной борьбы с любыми проявлениями сепаратизма — это усеянный лаврами военных побед путь в никуда.

На таком фоне позиции защитников “национальных интересов” выглядят запутанными логически и потому весьма уязвимыми. Не отрицая необходимости войны за сохранение суверенитета и целостности территории страны,

они призывают к ее немедленному прекращению. Требуя суда над террористами, они хотят сесть с ними за стол переговоров. Но в той степени, в какой призывы прекратить войну вызваны действительным стремлением сконцентрироваться на ускоренном экономическом развитии, позволяющем сделать технологический рывок, они оказываются оправданными.

Да, уступив раз, возможно, придется уступить и два, и три раза. Но таким образом еще можно выиграть время — то время, которое было бездарно потеряно реформаторской бюрократией за десятилетие ельцинизма. Реальное ускорение дает России шанс “вскочить в последний вагон” цивилизации постиндустриальных стран и выйти на более высокий уровень социально-экономического развития и технологической культуры.

Богатая страна может позволить себе то, что нищая сделать не в состоянии. Она способна сначала защитить свой экономический суверенитет на территориях, которые сегодня теряет политически, а затем и закрепить собственные хозяйственные достижения правовыми средствами. Вовсе не исключено, что задача, которая выглядит нерешаемой при данных условиях, окажется выполнимой при других обстоятельствах.

“Государственники” предпочитают бороться с политическими следствиями, не задумываясь о причинах. Извините за аналогию, но Россия напоминает больного СПИДом, у которого от небольшого гнойничка началась гангрена. У ее постели собрались политические хирурги, которые обсуждают, как высоко нужно ампутировать конечности, чтобы спасти остатки тела. И никому не приходит в голову вызвать иммунолога — если бы не СПИД, то гнойник не перерос бы в гангрену. Конечно, болело бы долго, но смертельной опасности не было бы. Может, стоит оставить “конечность” в покое и начать срочно лечить весь организм?

Безусловно, игра с суверенитетом — это огромный риск. Но стране, воспитанной на “монетаризме” Ивана Калиты и “брестском мире” Ленина, опыта не занимать. Такая рискованная игра дает нам призрачный, но шанс. Политика удержания суверенитета и территориальной целостности в долгосрочной перспективе никаких шансов не оставляет.

Понимают ли сложность ситуации защитники “государственных интересов”? Безусловно. Однако есть две причины, по которым они не могут позволить себе пойти на риск. Во-первых, потому что ставка на свободное и динамичное развитие означает для них как для бюрократического класса “самоуничтожение”. Теряя контроль над развитием, они теряют свое особое положение в обществе. Во-вторых, потому что бюрократия не верит в собственную способность придать необходимый импульс экономическому развитию, а верить в возможность других она не умеет по своей природе.

В конечном счете современное русское “великодержавие” есть лишь проявление комплекса неполноценности нашей бюрократии. Неверие в собственные силы и страх перед будущим вытесняются в ее подсознание амбициозностью, агрессивностью, ксенофобией, готовностью защищать рубежи государства до последнего гражданина. Судьба России становится заложницей закомплексованной элиты, которая дрожь в руках возмещает командирским рыком и оправдывает “государственным интересом”. Спасение может быть только в здоровых общественных силах, которые верят прежде всего в себя, а потом — в Россию.